

А. И. РЫКОВ.

Избранный Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР.

Фот. худ. М. С. Нанельбаум.

„БЮРО КЛИШЕ“

Издательства „МОСПОЛИГРАФ“.

**СНАБЖЕНИЕ ВСЕХ РЕДАКЦИЙ
и ИЗДАТЕЛЬСТВ ГОТОВЫМИ КЛИШЕ**

по всем вопросам информации, агитационным кампаниям и специальным вопросам по запросам редакций и издательств.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АБОНЕМЕНТЫ для газет с удешевлением стоимости на **75%**

ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ по удешевленным ценам для всех журналов.

РАССЫЛКА ЕЖЕДНЕВНАЯ за счет Бюро Клише во все концы СССР.

ВЫБОР ИСПОЛЬЗОВАЕМЫХ КЛИШЕ для всякого рода изданий.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТ по первому требованию.

Адресовать: Москва, Тверская, Благовещенский пер., 3, „БЮРО КЛИШЕ“.

Центральная лечебница

(БЫВШАЯ МЯСНИЦКАЯ)

ВРАЧЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ

Мясницкие ворота, 28; трамвай: А, В, 4, Б, 34; тел. 1-89-93.
(один восемьдесят девять девяносто три).

Внутренние	с 9—9 ч.	Желудоч. и внутр. секретии	с 10—1 ч. 7—9 ч.
Детские	„ 9—7 „	Глазные	„ 11—2; 4—8 „
Нервные и душевные	„ 10—2 и 5—9 „	Хирургические с 9—2 ч. 3—5 ч. 6—9 „	
Женские	„ 11—9 „	Уха, горла и носа	10—9 „
Акушерство	„ 12—5 „	Туберкулез легких	с 10—12 „ 3—6 „
Кожн., сифилис и венерические	„ 10—9 „	Зубные, искусственные зубы	10 9 „
Мочеполовые	9 ¹ / ₂ —3 ¹ / ₂ „		

Анализы мочи, крови, мокроты, кала, желудочного сока и пр.

По воскр. и празд. прием больных с 10—4 ч.

Приезжающие принимаются вне очереди

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ на дом по всем специальностям.

Венерологический кабинет

д-ра **ВАЙШТЕЙНА**

М. Дмитровка, д. 8, кв. 20.

Прием по сифил. венерическ., мочепол. ежедневно. во всякое время муж. и жен.

Издательство „МОСПОЛИГРАФ“

Москва, Благовещенский пер., дом 3. Телефон 4-80-08, 86-87.

„ОГОНЕК“

Еженедельный иллюстрированный журнал под редакцией Мих. Кольцова.

Постоянные корреспонденты за границей и в городах С.С.С.Р.

Подписная цена на 1924 г. 7 червон. руб. На 1 месяц 70 червон. коп.

„НЕДРА“

Литературно-художественный сборник под редакцией Н. С. Ангарского.

Адрес редакции: Мясницкая, дом 24, кв. 62, тел. 2-17-71.

„СМЕНА“

Двухнедельный журнал рабочей молодежи. Орган ЦКРКСМ.

Адрес редакции: Старая пл., 10/4, тел. 1-89-13.

Подписная цена: без прилож. на год—8 р. 50 к. На 6 мес.—4 р. 50 к. На 3 мес.—2 р. 50 к.

КНИГИ:

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

В. Маргерит—Моника Лербье (La garçonne)—роман.

Предисловие А. Франса. Цена 1 р. 25 к.

Портрет Ленина (12×16). Цена 40 к.

Умер Ленин—сборник статей. Цена 40 к.

Фабрично-заводские комитеты в Германии—сборник статей и матер. под редакцией Н. С. Ангарского. Цена 1 р. 25 к.

Рабочий класс в Германии—статистический сборник под редакцией Н. С. Ангарского. Цена 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Вс. Иванов—Сопки, рассказ, т. I.

Его же—Возвращение Будды (рассказ, т. т. I—II).

Н. Никандров—Рынок любви, рассказы.

В. Маргерит—Товарищ, роман.

Оптовым заказчикам обычная скидка. Заказы в Москве принимаются в Издательстве „МОСПОЛИГРАФ“.

В провинцию книги высылаются по получении стоимости заказа.

Кончина Ленина—великая потеря международного рабочего движения.

В. И. Ленин на заседании I конгресса Коминтерна в Петрограде в 1919 году.

Чудо актера Смирнова.

Рассказ Всеволода Иванова.

I.

Городок в пахучих песках—торчат только кресты церковок (но и те на обиду толстоикрому протоиерею не обновилась) тусклые, похожие на былинки.

К городу некогда вели железную дорогу. Песков что-ли напугались,—но вдруг оказалось: не надо проводить. Торчала в степь на размытой обкусанной насыпи—шпала, похожая на зуб, кусок рельсы с заряженными краями. Мещане повесили цену на ситец, тибитейки киргиз еще сильнее замазались от пота.

В этом городке появился актер Смирнов. Посредине Павлодара деревянная каланча, похожая на сахарную голову. Вверху по площадке кружит пожарный, изредка покрикивая вниз: «Дарья, убери с веревки подпитанники, пересушишь!» Кобы от его скучного голоса ржут.

Обошел актер каланчу и проговорил: — Бааста!

Было на нем ватное пальто с воротником из черной конки; рукава истрепанные, выпачканные гримом и тусклые на плохо бритом—оттого и морицистом—лице тусклые как грим глаза.

Мало-ли на земле таких актеров! Жизнь разделяется по другому. Актеру Смирнову дано было гримировать так, что от его грима почти изменялось сердце.

Однажды в Москве, загримировав великого трагика—он увидал следующее. Трагик взглядел в зеркало, охнул и потребовал на сцену настоящий вишняк. Оружия ему настоящего не дали, а угостили лишним стаканом коньяка. Озноб

от страха перед собой не проходил,—он стиграл плохо. Публика ничего не заметила—ее ужасал грим. Срывая с яростью лицо, трагик вызвал к себе Смирнова и с легкой актерской аффектацией спросил: — Искусство любишь?

— Люблю,—ответил Смирнов и робко взглянул в вызванное им к жизни страшное лицо.

— Перед искусством, клянись, не будешь никого больше гримировать. Искусство должно быть с пределом. Дальше—идет смерть. Мое лицо видишь?

— Вижу.

— Ну?

Бытер Смирнов мокрые виски и сказал: — Жу-уть...

Он был наивен и действительно любил искусство: он бросил гримировать. Когда же ему становилось очень скучно, он гримировал себя. Его краски словно распрямляли кожу—он молодел или старел. Наивные брови высоко взметывались его рукой—и ему хотелось плакать.

В день,—когда он обходил каланчу,—в клочке «Известий», несшихся по улицам, таких измятых и грязных, словно их придло прямо из Москвы,—он прочел о смерти трагика.

Кони ржали, скрипели под их копытами гнилые доски пожарного сарая. А ему казалось будто скрипело его сердце.

II.

Предколлегии Уотнаробраза товарищ Мамонтов вымылся в бане. Хорошие бревенчатые бани есть в Павлодаре! Будто весь в пару тонешь, будто весь—один

пар! Один раз в году (когда щеки словно налиты вином) кажется преуотнаробразу—учителя не голодают, ребятишкам есть на чем писать, школы отоплены и советские черные канарейки—Ундервуды и Смитс-Премьеры—выщелкивают наградные и наградные...

Человек в пальто с котиковым воротником вошел и сел без стука.

— Я Смирнов,—сказал он скромно.

Мамонтов поглядел на его рукава и вздохнул:

— Нам бы революционный репертуар и хотя бы немножко смешно...

Плохо обритое лицо прикоснулось к кошке. Щетина вошла в щетину.

— У меня есть революционное предложение, товарищ заведующий.

Мамонтов недоверчиво дмыкнул.

— Все великие изобретения зреют в тиши, товарищ, подготовительная работа ужасна и вы, счастливые, видите только плоды.

— Знаем, я сейчас Мечникова читаю,—вдруг почему-то обиделся Мамонтов.

— Вот видите, товарищ, даже Менделеев об этом говорит. Я вам расскажу самое главное. Я вам не буду говорить о смерти, которая...

Мамонтов, вспомнив баню, прервал добродушно:

— Ладно. Короче и чтоб хоть один раз в жизни—смешно.

— Но, об этом уверяю вас... И так, берем человека, гримируем его. Получается что? Смерть.

— Положим, какая смерть? Ерунда.

— Я говорю, где есть предел иску-

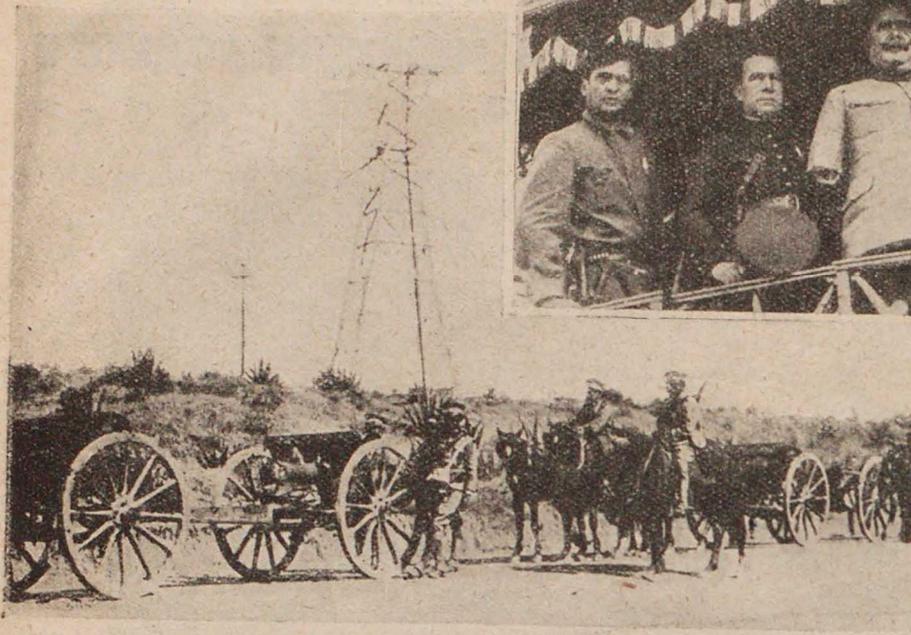
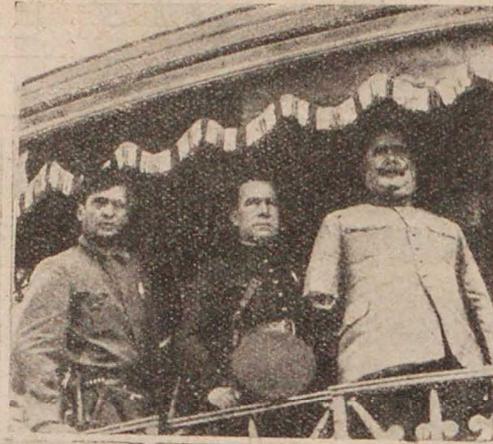
ства, там его смерть. А значит и смерть жизни...

Мамонтов поглядел на свои толстые пальцы, затем в потолок—увидал там впервые паутину, усеянную перхотью от бумаги, громадного с каблук паука—и больше для себя сказал:

— Предположим, без искусства какая же жизнь.

Гражданская война в Мексике.

Фот. Дж. Грауденд.

Наверху—тиран Мексики, ее президент генерал Обрегон среди своих генералов и отправляющихся на фронт защитников.

Внизу—эшелон революционных войск.

— А я о чем же, коллега! Люди делают искусство и когда я, я их, собственно—ручно гримирую—они убивают искусство. Хорошо. Кто же не делает искусства? Предмет, животное. Я против предмета, он не смешон. А животное... это... вы Дурова вспомните... он дрессирует...

Он вскочил, замахал руками,—краска посыпалась на пол.

— Я их превращаю, я их гримирую... И вы подыхаете, лопаетесь, расплзаетесь от смешница... Массовое вам, доступное вам?..

Мамонтов опять увидел паука. У актера рот такой же паук. Мамонтов проговорил неуверенно:

— Вам бы с таким предложением в центр.

Мамонтов знал не только бани, но и честолубие. Актер истер подбородком весь воротник, слов он высказал больше чем волос в воротнике, бороде и затылке его. Массовое зрелище стоило недорого. Коллегия Отдела Народного Образования чрез Увоенкомат испросила несколько лошадей, овец, коз, верблюдов и наняла у татарина единственного в городе осла. Под опыты Смирнову дали пожарный двор. В губернию кто-то написал корреспонденцию о готовящихся массовых зрелищах в Павлодаре и его уезде. Пески будто стали реже и меньше пахучи. После четырех, с занятий, коллегия и представители Уисполкома осматривали зверей. «Вы не очень, это еще не совершенно»—говорил им Смирнов.

Все же портфели валялись у них из рук, белье мокло от смеха,—пожарный на каланче хоть ничего не видел, но трес перила и хохотал над всем городом. Какая-то чудовищно-несообразная смехотворная буря металась в пожарном дворе. Исполком обещал напечатать афишу в три краски, согнать весь уезд и вызвать представителя из губернии.

И от веселой жизни что-ли скоты жирели, веселились, яровали. Ржанье, бляенье и вой стояли над пожарным двором. Актер слушал их и крестился радостно.

— Слава тебе, господи, на старости лет...

Морщины у него были розовые.

III.

Первую выпустили козу. Животные должны были двинуться от каланчи, вдоль главной улицы, пересечь город,—а в городом их переловят солдаты и загонят в кирпичные сараи, где их разграницуют.

Вдоль заборов, на заборах потные от солнца и от ожидания—мещане. Рубаха на них широкие, как деревья. Переулки забиты мальчишками.

Смирнов последний раз обошел стойла, подбавил где нужно краски, волосу.

Уисполком сидел на кирпичах у недостроенной церкви. Церковь ровно делала город на две половины—оттого-то и была недостроена, потому что в этом городе даже ни одного ровного лица не было. На кирпичах сидел и председатель уотнаробраза Мамонтов, за ним фотограф устанавливал аппарат, все не мог изловчиться, чтобы сразу снять—и шестые и Уисполком.

Козу направлял мальчишка—никто не заметил его.

Это была даже не коза,—это был человек. Борода у него тонкая, спутанная, в семечках и в крошках вареных яиц. По земле почти волочил огромный гладкий живот, лицо с громадным горбатым носом и заплывшими глазками,—он бежал на четырех руках, мускулы у него тощие и вялые. Смешнейшая гримаса обвивала все его тело. Он бежал, может быть, пьяный, может быть, веселый—он бежал для себя и никого не видел,—даже не чихал от пыли.

Первый засмеялся, перепутав удары часов на каланче, пожарный. Внизу у каланчи старуха вымочила платок слезами от смеха. Затем прыснули солдаты—словно сыпья семечками, мещане рассмеялись с жирцой.

Коза все дальше и дальше.

Тут загрохотали бубенчики, ворота сараев распахнулись и веселые уродливейшие морды ринулись на песчаную, желтую улицу.

Одни из них походили на купцов—бородатые, розовые и потные; другие, как мещане—они были чуть ли не в посяках, свободно обтягивавших животики. Громадные, как щепы, рты, губы, развороченные, как пласти земли, глаза осевые, мутные и гнилые. Брови колесом, кругами, пятнами; все они заросли в мещанском жидком волосе, все они молчали—и оттого, что не стучали копыта о песок—было невыносимо смешно...

Кто вошел в английское правительство.

Объединенное заседание Исполкома Английской Рабочей Партии и Совета трэд-юнионов. Из этих рядов было образовано правительство Рамзая Макдональда, эта первая, хотя бы по имени, рабочая власть королевской Великобритании.

Встреча премьер-министра Макдональда на Лондонском вокзале.

Киргизы, словно расколотые поленья—катились и визжали от смеха. Рубахи рвались на мешанах. Казаки муслили в слюне бороды.

Хохот—несдержимый, как дождь—мялила, мешал разглядеть животных. Заборы трещали, выли и мигом пропитались потом.

Именно выронил бумаги. Фотограф раздавил аппарат и тыкал себе в живот слезливыми носками подставки...

И вдруг коза зашумела, упала.

Какая-то старуха зашумела кричаула, тычась ртом в песок: «ой, машинки, козачуся со смеху»...

Коза было поднялась, чтоб еще рассмешить старуху,—но опять залулась и грузно повалилась на бок. Рот ее искривился, сполз грим и вышли живые, наполненные слезами глаза. Она заблела.

Животные поравнялись с ней, остановились.

И здесь сердца всех—на заборах, в переулках, на кирпичках недостроенной церкви, на площади—словно кольнули иголкой и проделали на ниточку.

Боль сломала ее грим. Ее косое, оловянное лицо перекинулось на соседа. Первый заревел верблюд. Его купеческая, широкая борода лопнула, ноги его выпрямились, шерсть полетела прочь. Кони сипло заржали.

Заборы, переулки дрогнули; ойкнул мальчишка и пополз в дом.

Животные с ревом ринулись вперед.

Пена смывала их грим, страшные, кровью налитые глаза метнулись через паклю и волос. Они грудой, спирая собой друг друга грим, побежали вперед.

Улицы опустели.

Мещане, крестьяне, потные лезли в подполы.

Рев удалялся.

Солдаты, что должны были у кирпичных сараев встретить маскарад—разбежались.

Стадо в пыли, крови и клочьях шерсти, потрясая человеческими лицами, мчалось мимо их в степь.

Заходящее солнце встретило их в озере, они плыли в камыши—одни человеческие брови остались у них.

Но все-же утки, теряя пух, испуганно летели от них на дальние реки.

Одинокая коза, посреди теплой, мягкой улицы блеяла, поджимая переломанную ногу.

Никто не решился подойти к ее страшному лицу.

Город захлопнул двери на крыльях—и молчал.

IV.

На особом заседании президиума укомплекта факт сей решили не оглашать.

Предложил кто-то устроить суд над актером Смирновым,—показательный. Но никто ничего не мог понять, и предполитбюро сказал:

— Наверное офицершко какой-нибудь, казачий. Надо бы его пощупать.

Секция работников искусств исключила его из своих членов. Только и всего.

Товарищ Мамонтов лишней раз сходил в баню.

Подул опять из степей желтый и пахучий песок.

В крестьянской телеге, с годскими оглоблями,—актер Смирнов уезжал из Пав-

лодара. Он сидел на чемодане, вспоминал трагика и говорил:

— Не козу надо-бы вперед пустить, а лошадь. Конь благороднее и боль бы перенес без гримас.

Отъехал он в телеге недалеко.

Ветку к городку решили достроить и к концу насыпи, где шпала торчала, как гнилой зуб, подошел маленький паровозик с тремя вагонами.

Был митинг, говорили опять непонятные для него речи. Обещали что-то строить.

Он попросил начальника поезда довести его до губернского города.

Никто его в вагоне не заметил, он сидел обиженный, стирал ногтем грим с рукава. Старые кости ныли.

Сырой ветер врывался в щели теплушки, должно-быть шел дождь. Кошка облезшая только неприятно терла лицо, а пальцы топорились и не влезали в карманы—«и вообще надо умирать»—подумал актер и ему стало жалко себя.

По уезду же прошел слух, что в городе появился чорт и переделал всех животных в чучела. Затем рассказывали—чучела умчались в Москву и теперь столица населена оборотнями.

В городе и наиболее населенных волостных селах устроили поэтому лекции—митинги: «существует-ли чорт и надо-ли в него верить». Вынесли резолюции об игнорировании религиозного дурмана и против поповской идеологии. Крестьяне обновления, которых тщетно ждал толстокрылый протоиерей—по-прежнему были тусклы и походили на былинки.

И через пять лет, уже рассказкут о чуде актера Смирнова не по моему.

В конце каждого года в Берлине начинаются грандиозные распродажи. Старые товары целиком распродаются по пониженным ценам уступая место вновь вводимым в моду платьям, ботинкам мелочам книгам и т. д. Берлинские улицы обыкновенно преображались: на этот случай украшались плакатами световой и подвижной рекламой, специальными развозившими предпраздничные покупки автомобилями. Наш снимок изображает „Leipziger Strasse“ одну из оживленнейших улиц Берлина. Теперь автомобили и экипажи незаметны, только вывески и толпы безработных у витрин напоминают о распродажном сезоне.

Вожди коммунистической Германии.

поэтом, большей частью, бываем настроены несколько метительно и на стороне, когда видим эту живую форму, — свое лицо, отделенной от нас в беззащитное состояние.

Я не отвернулся бы к зеркалу, не обратился бы к его немому под-сказу, если б не замечание вполголоса: «Смотри, калек, дай ему что нибудь».

Это сказала женщина. Она с о с традательнее мужчин, может быть, потому, что у них живее воображение чувств, отличное от воображения зрительного.

Я оглянулся и увидел человека в рваном пальто, сидящего, на бедрах, в тележке-ящике. У него было опухшее, б е з ж и зненного цвета, молодое лицо; жизнь этого рассеянного пополам узника ушла в глаза, блестяще и напряженно бегающие по лицам, идущей над ним толпы. Вся насильственно оставленная подвижность тела выражалась этим, шагающим на привязи, взглядом. Его плечи были сведены вперед, руки упирались в края ящика, палки лежали рядом.

Иногда, приподнимая черный

Кенен, лидер коммунистической фракции рейхстага, неоднократно в последнее время выступавший с резкой и яркой критикой политики Штреземана и канцлера Маркса, действия которого не имеют ничего общего с поступками его великого однофамильца.

БЕЗНОГИЙ.

Рассказ А. С. Грина.

Когда я остановился...

Как правило, я не люблю зеркал. Они возбуждают представление отчетливой призрачности происходящего за спиной, впечатление застывшей и вставшей стеной воды, некоей оцепеневшей глубины, не имеющей конца и вещей в даях своих. В особенности жутко рассматривать от-

ражения уличного зеркала, с его неточностью вертикала, где стены и улица клонятся, привстав, на тебя, или — прочь, вниз, подобно палубе в качку, пока не отведешь глаз.

Мы, обычно, рассматриваем себя изнутри, не отделяя наружности, какой смутно помним ее, от мыслей и чувств,

Пародия на деньги.

Компроматирование денег противника — один из обычных приемов гражданской войны. Подорвать доверие к деньгам, подорвать доверие к власти, этими деньгами олицетворяемой. Рыскавшие над красным тылом аэропланы Деникина сбрасывали тысячи совзнаков, клейменных ироническими стихотворцев. Белье, впрочем, были в данном случае плагиаторами: этот агитационный прием, как и многие другие, был ими позаимствован у красных.

История повторяется. Противники нынешнего германского правительства в борьбе с ним прибегают к выпуску пародийных банкнот. Воспроизводим экземпляр такой псевдобанкноты. Отпечатанная, как и подобает банкноте, на бумаге с водяными знаками, она по тексту на ней помещенному, является стихотворной агиткой. С настоящей банкнотой роднит ее, помимо водяных знаков, проставленная цифрами и прописью сумма — десять триллионов (10.000.000.000) марок. Название кредитного билета — «рейхс-банкнота» — подменено созвучным «рейхе-

ванкнота», что означает не дензнак, а (сохраняя каламбур) знак... государственной неустойчивости. Стишки, помещенные на банкноте, не лишены горь-

Давно в Германии скончалась честность денег!

И вот, презрительно поглядывает свет На цифры жуткие германских лже-монет. Ся знак, подделанный, с банкнотой одинаков, А в смысле честности — честнее всех дензнаков».

31 ноября 1923 г.
Берлин,

«Вариация» германской марки.

кого юмора. Вот их приблизительный перевод:

«Банкноту оную (в ближайше часы!) Ты можешь выменять на фунтик колбасы, Или булку черствую (цена ей прежде — фенинг).

Вместо подписи «Рейхсбанкнот» дирекция государственного банка — созвучие «Рейхсванкделириум», т. е.: «Безумие государственного шатания».

Текст по краям «ванкноты» гласит:

«100.000.000.000 = 1-й марке золотом. Курс на 1-е ноября 1923 г. И (вместо предупреждения о недопустимости подделки):

«Кто считает нынешние банкноты честными деньгами, пускает их в обращение или откладывает на черный день, карается заключением в сумасшедшем доме на срок не меньше двух лет».

Так шутят нищающие немцы.

картуз и, снова, туго натягивая его, он вносил этим движением в мои впечатления черту уродливого благополучия,—тогда, с некоторым усилением я мог представить,

что этот человек стоит на половину в земле,—как рабочий в водосточной канаве,—и что у него есть ноги. Меня удерживало около него желание

превзойти самого себя, постичь его ощущения, его вечное чувство укороченности, неправильного сердцебиения, его особый ход мыслей, всегда связанных с своим по-

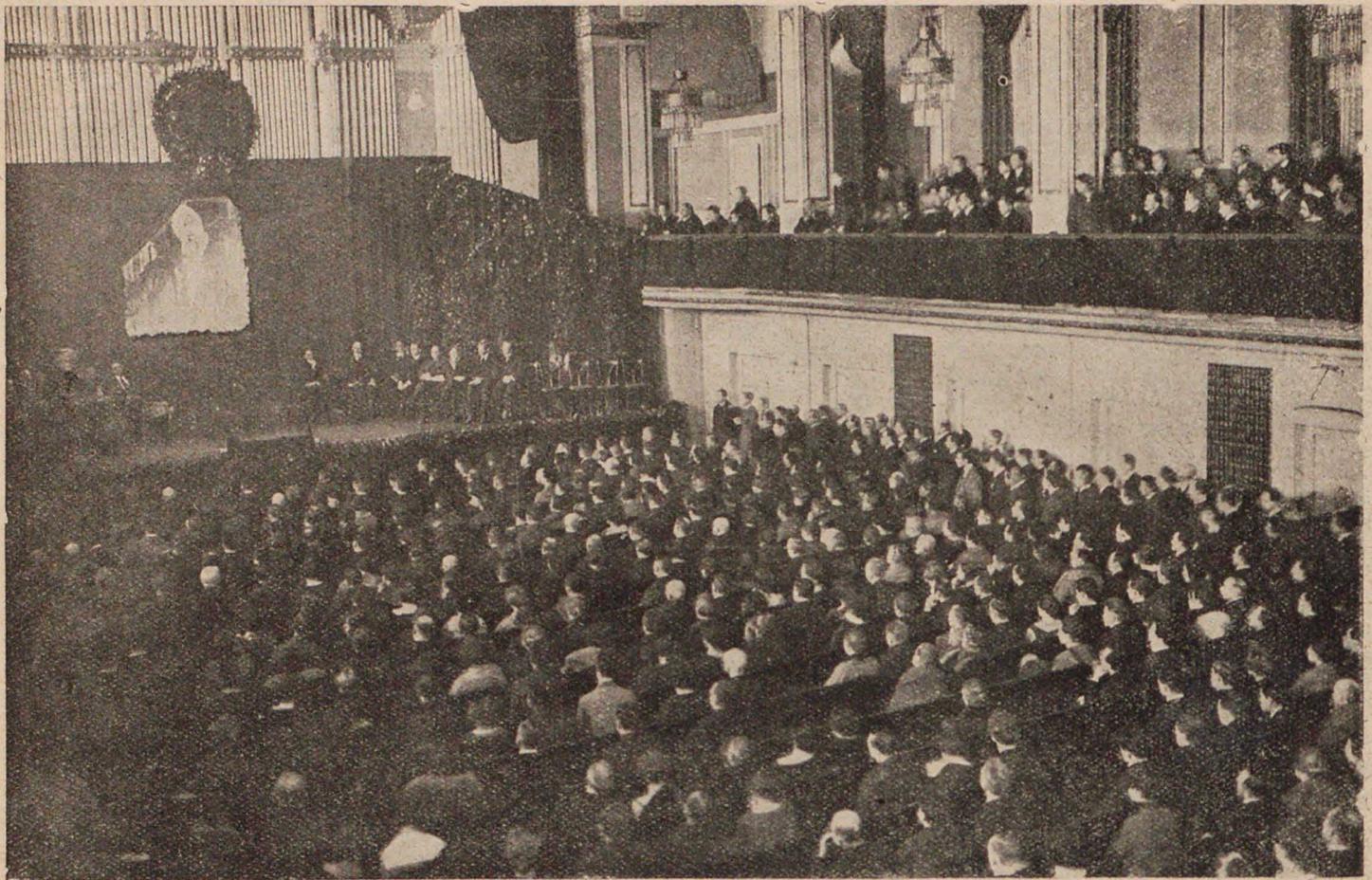
После кончины В. И. Ленина.

Фот. Дн. Грауденц и Отто Шмидт.

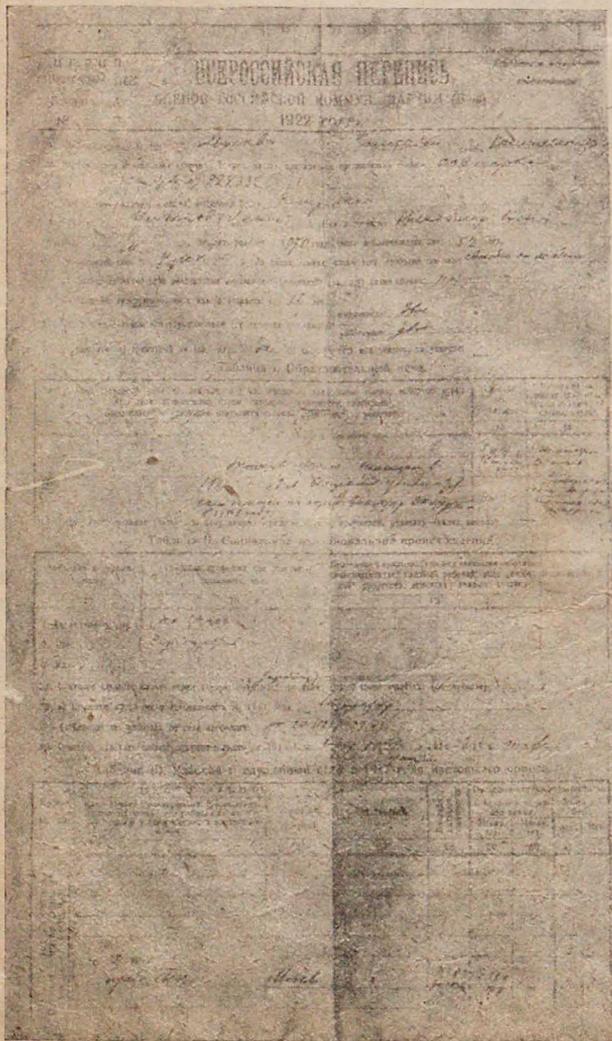
На улицах Москвы—траурные дни. Наверху—Запоздавшие делегации, неуспевшие отдать последнего долга Владимиру Ильичу. Внизу—перед плакатами с биографией В. И. Ленина.

Ленинские дни во всем мире. Берлин.

Грандиозный траурный митинг в Блютнер-зале в Берлине, посвященный памяти В. И. Ленина.

ИЗ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

Анкета В. И. Ленина на переписи РКП.

ложением. Я не знаю, почему было мне это нужно, так как я не люблю калек из чувства решительного, несколько раздраженного сопротивления, возбуждавшего этими

переделанными, заштопанными телами, — заставляющими вводить в спокойный и свежий свой мир вид несчастия уродливого, — увы, — мы ищем гармонии даже в ломотях, — картинности отравленной угаром мансарде, и зрелище мужественной нужды тронет нас скорее, чем просто голодный вой, потому что первый случай картинности — куэт воображение.

При виде калек, я делаюсь замкнут, любопытен и холоден.

Я был таким и теперь, когда, не желая смущать несчастного, изучал его в зеркале, замечая, что и он, тоже, упорно смотрит мне в глаза на стекло, может быть, ожидая, что я подойду и дам денег.

Наверное, он так и думал. Я убежден, что каждого прохожего он рассматривал, исключительно, с этой стороны, что его негодование было непрерывным, так как едва один из ста совал ему что-ни-

будь. В таких случаях калек механически кланялся и снова начинал молча вертеть ярким взглядом, находя, конечно, излишним, всякие причитания и возгласы.

Когда в ящике накопилось несколько штук бумажек, он, неторопливо, сортировал их и раскладывал по карманам, смотря перед собой с рассеянностью бухгалтера.

ТРАУРНЫЕ МАРКИ.

В день похорон В. И. Ленина Народным Комисариатом почт и телеграфов выпущены в обращение траурные почтовые марки в 3, 6, 12 и 20 к с портретом В. И. Ленина. Марки эти курсируют одновременно с теми, которые выпущены раньше.

в свете жестокой, произвольной внутренней усмешки моей, — получали показной, театральный характер.

Из жизни В. И. Ленина.

Шалащ, в котором окрывался В. И. Ленин летом 1917 г.

Ленинские дни во всем мире. Берлин.

Фот. Дж. Грауденц.

Митинг в Берлине на могиле Розы Люксембург, посвященный В. И. Ленину.

Ленинские дни. Варшава.

Фот. для „Огонька“.

Траурный флаг над зданием посольства СССР в Варшаве.

Калека был мне неприятен и жалок, но я не мог отойти от зеркала, рассматривая его с живейшим и ненасытным интересом, разбрасывая вокруг отрывочные картины боя, разрыва гранат, серого, с розовой полосой, утра, где, в сумерках, с руками, оттянутыми носилками, спотыкаются санитары и ровный, как пение самовара, стон сумеречного поля мешается с далекой пальбой.

Затем—операция, сознание новой и трудной жизни, тысячи мелких приспособлений, неизвестных до этого, сны о ногах, попытки неумелых движений, наука двигаться заново, с иным представлением о себе; согретое годами, отчаяние и темное безразличие.

Между тем, я замечал, что, по впечатлительности или особой нервности, машинально двигаю руками, подражая калекке, когда он возился с деньгами или менял, в чем нибудь, свое положение. Эти неполные, только лишь намеченные и оборванные движения мои чрезвычайно раздражали меня, и я стал смотреть на других как в зеркале, так и по тротуару.

Эти бесчисленные шаги ног, пульсация множества сухих женских ладыжек, мерное откусывание калошами, сапогами и валенками больших, ровных кусков тротуара,—шум, стук, шарканье и шелест движения вызывали во мне приятное чувство силы и равновесия, благодаря которому я могу пройти всю Тверскую, взад—вперед, поднимаясь в гору и спускаясь с нее.

Калека в ящике иначе должен ценить и сознавать пространство,—оно для него—почти фикция, забытый сон; он смотрит на ближайший угол с сложным расчетом дали, и крыша Гнезниковского небоскреба должна ему казаться Монбланом.

Здесь мои размышления внезапно вспыхнули, рванувшись вслед женщине, прошедшей быстро и озабоченно сзади меня; я тотчас узнал ее, все вспомнив, что было семь месяцев назад. Я поднимался в четвертый этаж, где мне открывали дверь, зная, как я звоню,—две сестры, младшая, держа старшую за талию и выглядывая из-за нее с шутливым вопросом: «Чего-с?»

Старшая смущалась, но не особенно; есть род приветливого смущения, действующего взаимно, и я, смущаясь сам, радовался тому. Что же разлучило нас? Я никак не мог вспомнить в эту минуту. Вообще, у меня плохая память на прошлое. Первым движением моим было броситься вслед, но я, почему-то, не сделал этого тогда, когда она была в двух шагах, затем, у меня уже не было сил двинуться. Я точно

Парижское наводнение.

Фот. Дж. Грауденц.

Залитый водою бульвар. Деревья наполовину находятся под водой

Закон не знающих закона

Рассказ Конрада Берковици.

Конрад Берковици—новый американский писатель, румынский еврей по происхождению, пишущий на английском языке и прославившийся главным образом своими рассказами из цыганской жизни. Первая книга рассказов «Jhitza and other stories» появилась в 1921 году, вторая «Murdo»—в 1923 году. Обе книги были восторженно встречены американской и английской критикой. «Literary Review of The N. I. Evening Post» говорит об этих книгах: « Действительно, со времени появления былой жизни, полнокровных рассказов Джека Лондона, в американской литературе не было ничего более живого и захватывающего, чем рассказы Конрада Берковици... Что Гомер сделал для греков, то Берковици—для цыган».

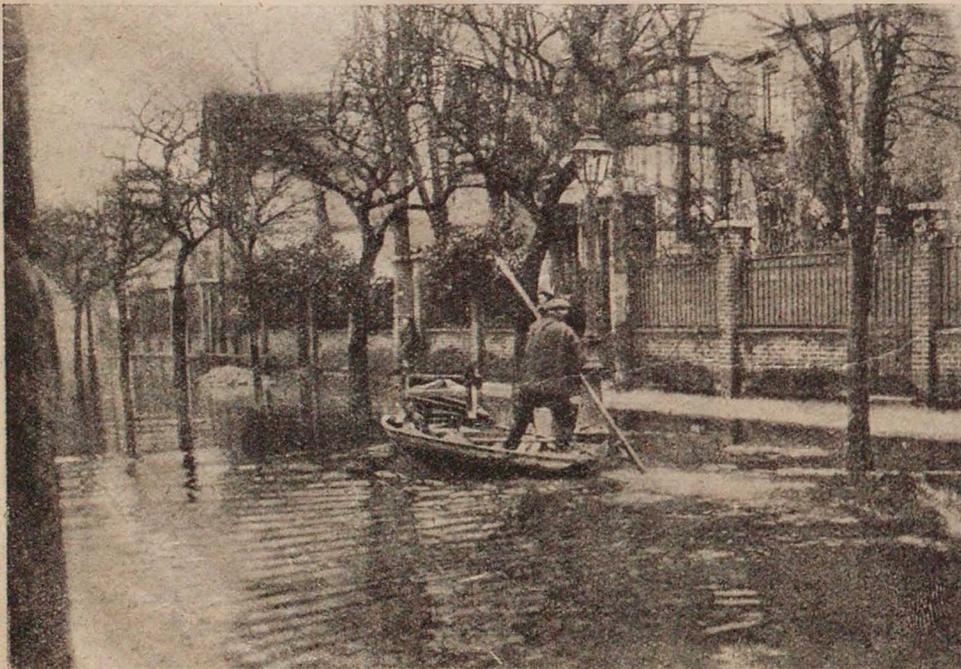
Один из лучших американских журналов «The Nation» говорит:

« Прекрасные рассказы из цыганской жизни... В них чувствуется дыхание свободы, ритм поэзии... Они проникнуты чувством близкого родства между автором и его дикими созданиями... Психология изображаемых типов передана тонко и убедительно. Правдивость и естественность перетканы легендой и красотой; в результате чего рассказы Берковици—лучшие произведения последних лет».

П. О.

Парижское наводнение.

Фот. Дж. Грауденц.

Предместье Парижа, совершенно затопленное водою
Разлившаяся три недели тому назад Сена до сих пор не вошла в берега. Многие части города напоминают уголки Венеции и сообщения с ними возможно только с помощью лодок и катеров.

окаменел. Я стоял, пытаюсь что-то понять, но мысли так расбегаются, что я сам, глухое отражение зеркала и звонкий оригинал,—улица зади меня, все спуталось в сеть, и беглый, глубокий трепет ошеломления, вызвал, наконец, эту ужасную кристаллизацию, от которой перехватило в горле.

Так! Это я смотрю на себя, я,—забыв, что со мной; у меня нет ног, палки лежат рядом и прохожие, втянув голову в плечи, посматривают на меня сверху вниз, иногда бросая бумажку. Действительно,—я очнулся. Зеркала вызывают сны,—странное смешение прошлого и настоящего, меняют взгляд, цели и впечатления. Этот хоровод исчез; с болью, крутым твердым винтом прошел сквозь меня день бегущих, чужих ног и пригвоздил к ящику, где я могу шарить руками вокруг своих бедер, шурша бумажками. Я смотрю на ноги, я всегда думаю о ногах и себе. Где же мое сокровище, белое тело мое, мои ноги, которыми всходил я на четвертый этаж,—смущаться, смотря в глаза? Я отвел взгляд от зеркала.

С рыданием, с злым воем, не удерживаясь, а торжествуя и плача, я безнаказанный, безногий, погибший,—я,—в котором всегда два,—беру свои палки. О, проклятое зеркало! Бей его,—я бью—раз! и лохмотья стекла остро сверкают на пустом дереве. Неввероятно смешно смотреть на это со стороны.

Но мне—теперь,—все равно. Все равно.
А. С. Грин.

Крытые повозки цыган племени Мурдо длинной вереницей медленно подвигались вперед по узкой грязной дороге, ведущей от Килии, небольшой деревушки на дунайских гирлах, до Тульчи, крупного румынского порта на Черном море.

Вот уже три месяца, как цыганам не разрешалось нигде останавливаться дольше, чем от восхода и до захода солнца. Как только приезжали они в какую-нибудь деревню, как сейчас же являлись местные власти и сообщали, что от высшего начальства получена «бумага», в которой говорилось, что цыганам не разрешается останавливаться табором. И когда Мурдо пытался узнать у старосты причину такого жестокого распоряжения, староста обычно пожимал плечами и заявлял, что приказ есть приказ и не нуждается в пояснении. Только в Килии староста, старый друг Мурдо, по секрету сообщил ему, что правительство хочет сделать всех оседлыми. Такой был проведен закон.

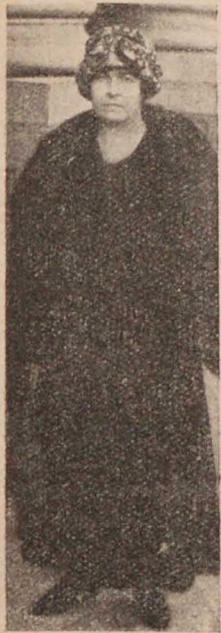
— Закон гласит, что не должно быть больше цыган,—говорил староста.—И закону надо повиноваться. Так-то, Мурдо.

Мурдо, указав рукой на Дунай, сказал:

— А может закон сделать так, чтобы Дунай не тек в море? Может он сделать Дунай нивой?

— Я не мог бы этого сделать, Мурдо. Но правительство может поставить большую дамбу и остановить реку,—отвечал староста, довольный собой, что так удачно поддерживал авторитет правительства.

— Не долго постояла бы твоя дамба. Река быстро пробилась бы себе путь к морю. У нее есть свой закон—течь в море. Я, как вождь, издаю законы для своего народа, но нет у меня таких законов, чтобы река

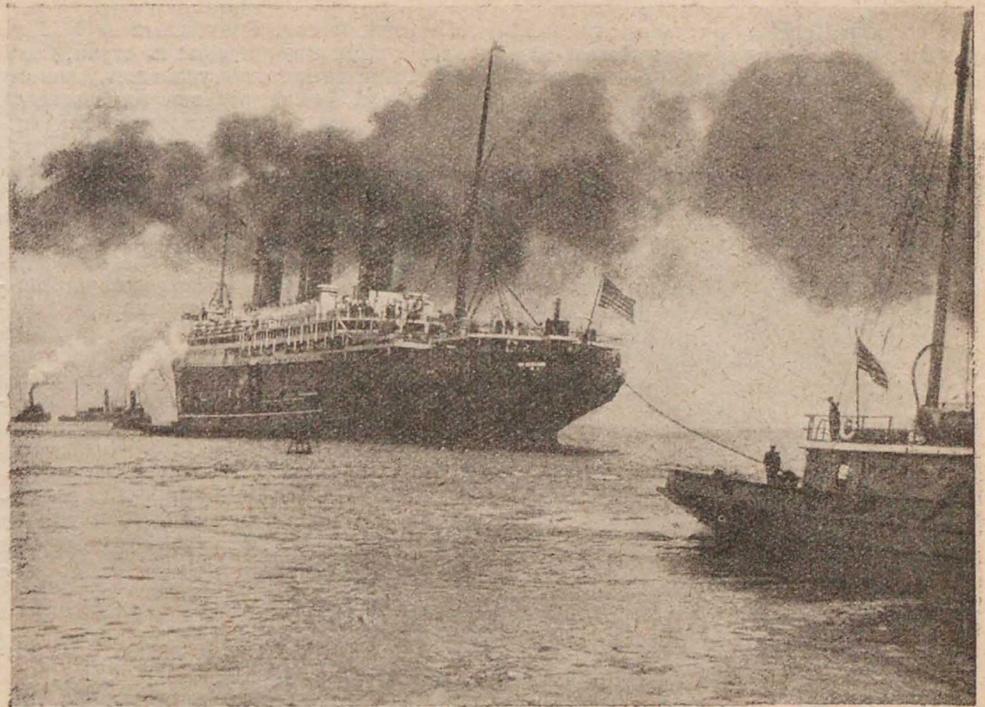

Мая Налан, депутат Калифорнии—единственная женщина в американском конгрессе.

не могла течь по своему руслу. Управлять, говорю я, Мурдо, значит—сглаживать течение жизни, а не ставить дамбы.— Наши привычки и обычаи не те, что у вас. Не все реки впадают в море в одном и том же месте. Четыре лошади уже пало у нас по дороге из-за вашего закона. Двое людей больны.

— Ты только погляди, староста, на детей, на женщин, на собак. Все они утомлены. И за неделю не починить нам свои повозки. Ни одно колесо не на месте. Оси погнулись. И уже наступают заморозки. В горах уже снег. Нас заедят волки.

Но приказ оставался приказом. Староста не мог нарушить его, и племя цыган, теснясь в своих оборванных, крытых повозках, которые тащили совершенно изурованные лошади и за которыми тянулись усталые собаки, медленно пробивало себе путь к Тульче, где Мурдо, узнавший теперь причину преследования, намеривался

Крупнейший пассажирский пароход мира, бывшая гордость торгового флота „Фатерланд“—по передаче его, согласно Версальского договора Америке, переименованный в „Левиафана“,—недавно сел на мель в Нью-Йоркской гавани. Буксирные пароходы несколько дней старались сдвинуть с места гигантское судно, после чего „Левиафан“ был отведен в док залечивать раны. На борту парохода имеются площадки для посадки аэропланов, игры в теннис и гольф, верховой езды; отдельные апартаменты первого класса занимают четыре-пять комнат, имеется более ста кают с ваннами; в заполненных же эмигрантами помещениях третьего класса, в трюме и на нижней палубе ютятся в тесноте тысячи человек. Всего „Левиафан“ поднимает на борту около десяти тысяч пассажиров.

Духовный глава мусульман.

требовать разрешение на зимовку на том основании, что он там родился.*

Целый месяц потребовался для того, чтобы добиться до этого порта на Черном море. По дороге из Килии пало еще две лошади в упряжке. Умер один мужчина, и собственная жена Мурдо была похоронена под одним дубом, не доезжая всего несколько верст до гавани. Похороны состоялись ночью. На рассвете следующего дня земля на могиле была тщательно разравнена. Та земля, место которой заняло человеческое тело, была рассеяна по ветру. Цыгане старались не иметь никакого дела с законом. Жена Мурдо была похоронена там, где прожила всю свою жизнь—на дороге. Какое отношение к этому имел закон!

Первый пушистый снег покрывал уже землю, когда племя Мурдо добралось до Тульчи. Власти разрешили остановиться на зимовку, так как Мурдо доказал свидетелями, что он родился в Тульче. Племя расположилось за городом вблизи леса.

Первые несколько дней все племя жило в пригородном трактире. Лошади, числом двадцать, нуждались в ветеринарном уходе. Женщинам и детям нужно было тепло, хорошая пища и одежда. Что до мужчин, то они так были заняты устройством табора для зимовки и так согревались вином в трактире, что совершенно забыли о пережитых испытаниях и усталости.

В понедельник, после первого воскресенья, в Тульче Мурдо отдал приказ строить табор для зимовки. Колеса повозок были закопаны до осей и прикреплены веревками к колям, вбитым в землю. Затем было сделано три сарая: один для кузнеца и колесника, другой для общей кухни и третий, самый большой, был приспособлен под конюшню. К концу четвертого дня зимние квартиры были готовы, и ло-

Мозг Малой Антанты.

Фот. Дн. Граудени.

Чехо-словацкий министр иностранных дел Бенеш, изворотливый исполнитель воли Пуанкаре и фактический вдохновитель политики четырех государств, на которые, в своей борьбе с распадающейся Германией, и опирается сейчас французское могущество. Недавно Бенеш заключил новый договор с Францией, фактически представляющий Чехо-Словакию партию первой скрипки в «Малой Антанте»—блоке Польши, Румынии, Югославии, Чехо-Словакии, поддерживающих самое завистливое государство Европы.

Абдул-Меджид-Эффенди, калиф Турции, считающийся верховным авторитетом всех правоверных магометан—совершает селамлик—ежепятничное торжественное шествие в константинопольскую мечеть Айя-София. Выше—дочь калифа—княжна Дюри-Шезар в национальном костюме.

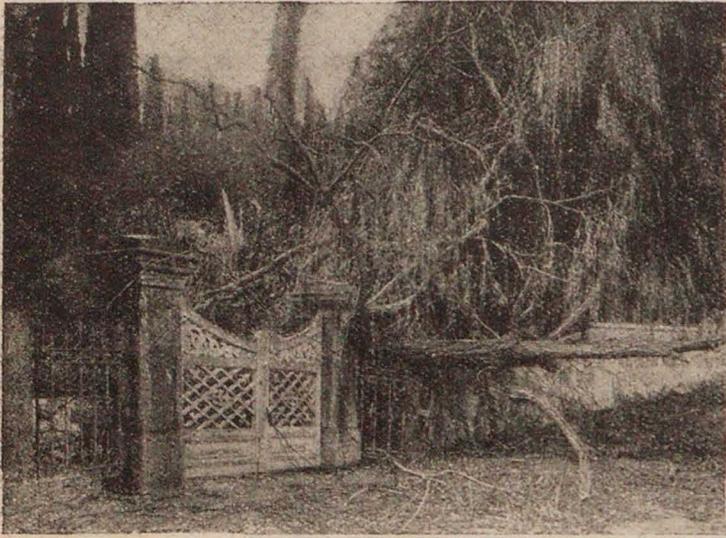
Удар Никитскому саду.

От ялтинского корреспондента «Огонька».

«Старожилы Крыма» не упомнят урагана, подобного тому, который разразился над южным побережьем Крыма в ночь с 25 на 26 декабря.

Никитский сад, основанный в 1811 г., имеет целый ряд растений из стран, близких по климатическим условиям Южному побережью. Сад издавна пользовался европейской известностью. О колоссальной популярности Никитского сада и его большом культурном значении свидетельствуют многочисленные экскурсанты, наполнявшие сад в летне-осенние месяцы этого года. Всякий, бывший в Ялте, считал своим долгом осмотреть Никитский сад. Пронесшийся ураган нанес непоправимый удар саду. Местами сад имеет буквально вид

Фот. М. Фельдшера.

Вход в Никитский сад. Сваленное дерево—вавилонская ива.

Вывороченное ураганом дерево.

Ураган, с невероятной силой бушевавший всю ночь, захватил все побережье от Гурзуфа до Севастополя. Наиболее пострадало побережье от Ялты до Гурзуфа. В Ялте волны разбивались о стены домов на набережной. Масса повреждений: снесенные крыши, вывески, разрушенные балконы, вывороченные деревья... Особенно пострадали «краса и гордость Крыма» кипарисы.

Но ни с чем несравненные бедствия нанес ураган Государственному Ботаническому Никитскому саду, расположенному в 7½ верстах от Ялты по Симферопольскому тракту и занимающему площадь (не считая Магарач и участок Ай-Ян-Су) около 90 десятин.

кладбища деревьев. Погибла масса ценных пород¹⁾.

Мы приводим несколько живописных снимков разрушений, произведенных ураганом.

¹⁾ По приблизительному подсчету до 50% всех деревьев исклещены.

шадь, собаки, женщины и дети были переведены из трактира и размещены в повозках и сарае.

Мурдо, почти все время отсутствовавший, приказал вести работы без него. Он был слишком занят хлопотами о праве поселения в Тульче на зиму. Но он мог полагаться на других мужчин. Тридцать лет он уже управлял племенем. Его отец и дед, могучий Люпу, также были вождями этого племени. Управляемые и управитель хорошо знали друг друга. Царица строгая дисциплина. Но не было жестокости. Мурдо был слишком сильным, чтобы прибегать к жестокости—он был правителем от природы. Высокий, широкоплечий, прямой, с длинной белой бородой и седой гривой волос, ниспадавших на плечи, он сразу выделялся среди других. Когда у незнакомца было дело к вождю, то достаточно было ему повстречаться с Мурдо, чтобы он сразу увидел, что это и был вождь. В шестьдесят лет глаза Мурдо не потеряли своего блеска, ни лицо своей свежести; его руки—длинные, мускулистые, бронзовые—все еще были как сталь, а

двигался он с такой легкостью, что и молодым не угнаться. Говорил он мало, больше прибегая к притчам и аллегориям, но то, что говорил, имело вес. Его полный, сильный голос звучал властно и внушал доверие. Слово Мурдо было законом. Никто из племени не осмелился бы противоречить ему. Его люди даже удивлялись, когда власть противились вождю. Как они смели! Ведь он был Мурдо, сын Стана и внук Люпу, великого Люпу, Волка!

Не уснело племя Мурдо как следует устроиться на зиму, как в Тульчу прибыли другие цыгане. Им тоже было разрешено расположиться у леса табором на зимовку. Вожди держали совет в шатре Мурдо, и на этом совете было решено держать людей поостроже. Наступили тяжелые времена, пояснил Мурдо. Повсюду против цыган проведены законы. Им повезло в Тульче, но если среди них будут происходить драки или будет замечено, что они протягивают руку к чужому добру, то тогда, несомненно, им немедленно прикажут убраться. Надо подальше держаться от трактиров, пока все немного не уля-

жется. А весной можно будет опять подумать, что предпринимать.

Так было решено на совете. Для барышничества в Тульче не было почвы. Изредка покупалась лошадь, корова или свинья—вот и все. Целый день мужчины возились с лошадьми. Женщины стиряли, стирали и чинили платье. Дети не отходили от шатров и сараев, раздували кузнечный мех, терлись на конюшне. По вечерам происходило общее веселье. В одной из конюшен, согретой дыханием лошадей, мужчины играли в карты, а молодежь, парни и девушки, пели и плясали под скрипку и кобазу.

Среди девушек была одна по имени Лина, дочь Станку, вождя племени. Было много девушек красивее Лины, но ни за кем так не волочились парни, как за ней. Целой гурьбой сопровождали они ее повсюду.

С приближением рождества у Лины образовалась целая дюжина женихов. Каждому из них она подавала надежду, что он является ее избранным, и поэтому во время танцев парни нарасхват брали Лину, а другим девушкам не с кем было плясать. Если случалось, что какой-нибудь из ее «женихов» плясал с другой девушкой, то Лине достаточно было только искоса взглянуть на него, чтобы он тотчас же бросал свою пару. Замужние женщины от души потешались над таким проворством Лины, им это нравилось, но мужчины порядочно беспокоились, боясь кровопролития. В другое время это было бы не беда. Среди молодежи принято было вступать в драку при таких обстоятельствах. Женщина всегда доставалась с бою. Но теперь были другие времена. Драка могла бы привести к беде.

Среди женихов Лины был Минку из племени Мурдо. Мурдо любил Минку. Он был мастер на все руки, и при всяком затруднении все обращались к нему. Когда Мурдо куда-нибудь уезжал, на Минку все смотрели, как на руководителя племени, хотя ему было всего двадцать с лишним. Иногда сам вождь звал его к себе на совет. Николай, родной сын Мурдо, родился музыкантом и мечтателем и больше ни к чему не был пригоден.

На первый день рождества цыгане, четыре племени, всего двести душ—решили устроить общее веселье. В самой большой конюшне были расставлены длинные белые сосновые столы, стены разукрашены зеленью и коврами, с потолка свешивались разноцветные фонарики. Закуты лошадей были превращены в места для детей. От каждого племени поступило в складчину закаранный годовалый поросенок, мешок белой муки, сахар, разные специи и бочка вина. Всем хватало и еды, и питья—слабое сладкое вино для женщин и покрепче для мужчин. Пили, чтобы согреть сердце и разжечь кровь. Лучше было для мужчин провести вечер вместе в таборе, чем в трактире. Каждый вождь сам резал мясо для своего племени, женщины наполняли стаканы для мужчин, дразня их при этом и отпускавая разные шуточки и прибаутки. Когда все уже хорошо закусили, и музыканты начали настраивать свои инструменты, Мурдо заметил, что парни стали собираться вокруг Лины. Было выпито много вина. Мурдо боялся, что молодые парни других племен выйдут из под власти своих вождей, так как они все еще продолжали пить, и тогда начнется драка. Но не мог запретить им пить—то были не его люди—а запретить только своим было бы несправедливо. Его люди были не хуже других. А драка уже чувствовалась в воздухе. Мурдо нюхом угадывал и боялся взрыва лишней энергии. Необходимо было дать выход в другом направлении, необходимо было придумать какое-нибудь развлечение. Внезапно Мурдо встал из-за стола и направился к тому месту, где стояла Лина в кольце молодых цыган.

— Тише!—прогремел его голос.

Протяните руки с кусками мяса, со стаканами вина повисли в воздухе. Все застыло на месте от голоса Мурдо.

— Сегодня, ради праздника, я хочу помочь Лине выбрать себе жениха, вот из этих молодых. А остальные пусть берут

себе других девушек. Кто победит—тому Лине. Будет борьба—без Лины, без кулаков. И никто больше не должен пить, пока не узнаем счастливица. Тогда все выпьем за его здоровье. Лине это не понравилось. Она больше наслаждалась завистью и ненавистью других девушек, чем любовью мужчин, но ее же отец, вождь Станку, был первым из тех, которые кликами одобрения ответили на предложение

Забастовка полицейских.

В Мельбурне, столице Австралии, состоялась забастовка полицейских. Забастовка вызвана причинами экономического характера. Жалование мельбурнского полицейского составляло не больше половины прожиточного минимума, при очень тяжелой работе.

Австралийские власти ни за что не хотели идти навстречу забастовщикам. Не толпа мельбурнских хулиганов и любителей легкой наживы, почувствовав отсутствие

Толпа грабит магазины центральной части Мельбурна. Штрейкбрехеры (в белых повязках на руках) безуспешно пытаются остановить толпу.

охраны, принялась грабить здания и магазины на окраинах и в центре города. Матросы, стоявших в гавани пароходов, также присоединились к толпе. Они не грабили, но устраивали дебоши и кулачные бои, превратив центральные площади Мельбурна в арену жестоких схваток. И, хотя нашлись любители—штрейкбрехеры, из среды зажиточной молодежи, остановить беспорядки не удалось.

Лишь уступками забастовщикам австралийские власти спасли себя от неминуемого краха в парламенте, который наступил бы, если бы беспорядки продолжались дольше. Пришлось согласиться на значительное повышение заработной платы.

Разгар схватки.

Наш главный кредитор.

Фот. для „Огонька“.

Лесли Уркхардт, один из самых богатых людей Англии, «британский Стиннес» и дореволюционный обладатель многих уральских заводов, время от времени меняет свое отношение к Советской власти. В дни волжского голода Уркхардт сделал весьма крупное пожертвование в пользу голодающих с тем, чтобы через пару месяцев энергично выступить против признания России. Сейчас, в связи с переменной власти и ожидаемым признанием СССР английским рабочим правительством, — «п о з и ц и я» Уркхардта, бессменного председателя общества английских кредиторов России, обнаруживает тенденции к уступчивости. Уркхардт надеется, повидимому, выторговать хоть какие-нибудь крохи своих накопленных каторжным трудом русских рабочих, богатств.

Мурдо. «Мурдо — мудрец. Мудрее всех» — так думал про себя Станку. Он тоже чувствовал, что драка неизбежна. Лучше было заменить ее безвредной борьбой без ножей, без кулаков, и таким образом предупредить беду. Да и Лине довольно уже играть сердцами мужчин и смеяться над другими девушками.

Столы были отодвинуты, и в одном конце сарая веревкой огорожен круг для борцов. Четыре вождя представляли собой судей. Ко времени начала борьбы оставалось только четверо желающих состязаться. И среди них — Минку из племени Мурдо. Восемь или девять других уже отошли в сторону и старались подладиться к другим девушкам.

Мурдо объявил

правила борьбы. Тот, кто до конца останется на ногах — победитель. Кто будет положен на лопатки — побежденный. Жребий

указал, кому с кем бороться и в каком порядке. Первыми должны были состязаться Минку и Джорга. Когда Минку с

Гибель воздушного гиганта.

Недавно, при невыясненных еще трагических обстоятельствах, взорвался грандиозный дирижабль „Дикмюден“. Катастрофа произошла при перелете через Средиземное море, между берегами Сицилии и Туниса. Из обширной команды воздушного корабля никто не спасся.

„Дикмюден“, снаряженный французским правительством, несмотря на совершенно неподходящий для таких ненужных экспедиций сезон и отсутствие удобных воздушных гаваней, снят нашим фото-корреспондентом перед последним отлетом из Парижа.

Родина Хулио Хуренито.

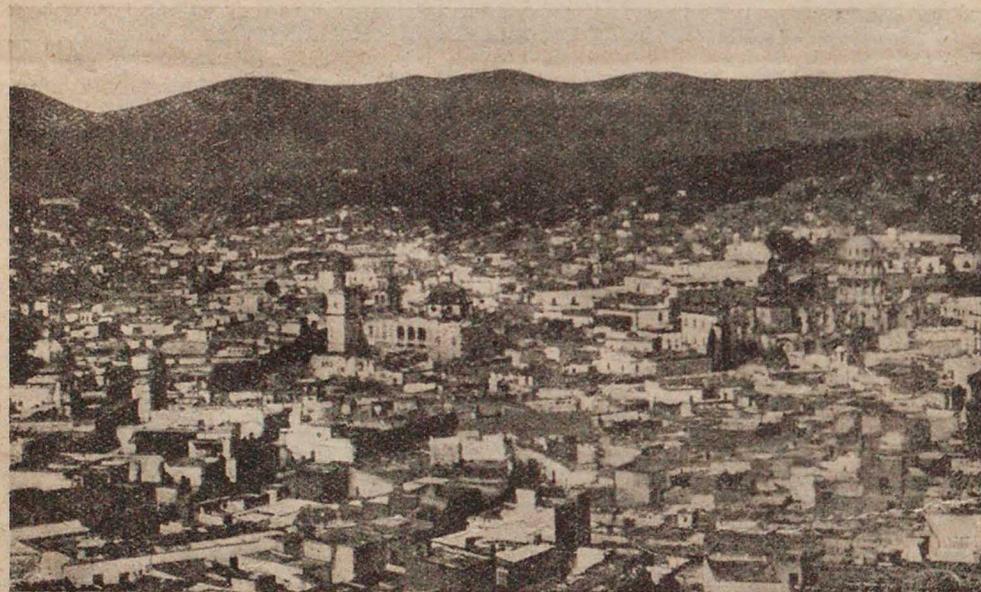
Текст Ильи Эренбурга.

Рассказывая о днях моего незабвенного Учителя Хулио Хуренито я писал: «Я люблю городок на холме с домами, встающими уступами, суровый и голый, по-

Илья Эренбург. портрет, сделанный в тюрьме в 1907 г.

крытый лишь кактусами и черными пятнами «квебра-платос», на долю которого выпала честь быть колыбелью Учителя. Если кто-либо из прочитавших мою книгу

Гуанахуата (Мексика)—город, где родился Хулио Хуренито.

познает счастье увидеть наяву Гуанахуату, пусть он за меня поцелует ее угрюмую, распаленную, благословенную землю».

Недавно я получил фотографию Гуанахуаты. Мне прислал ее мой друг Диего-Мария-Ривера. У Риверы лицо лимонного цвета и темносиние волосы. Этот человек умеет обращаться с жизнью и неудивительно: когда ему было шестнадцать лет, в Эль-Оро он впервые увидел Учителя и если не стал его учеником, то исключительно от того, что Учитель тогда еще не был Учителем. Однако, глаза Хулио

Хуренито уже тогда выдавали сущность его высокого учения и Ривера недаром заглянул в эти глаза. Он был после этого искателем золота, подмастерьем корабельного цеха, укротителем змей и художником кубистом. Я познакомился с ним в первый год европейской войны. У него была желтая лихорадка и сиамские коты. Но вечером он спорил с Пикассо о том, кто лучше умеет жарить баранину, кастильцы или мексиканцы. Он сделал мой портрет с трубкой. Портрет купило посольство Сев. Америк. Соединенн. Штатов. Я уехал в Россию. Мы снова встретились в Париже в 21-ом году. Ривера был коммунистом и переводил на ацтекский язык слово «ячейки». Мы виделись мало. Скоро меня выслали из Парижа, а Ривера уехал в Мексику. Оттуда он прислал мне эту фотографию. Он был озабочен переводом моей книги об Учителе на испанский язык. Книга эта должна выйти в городе Мехико. В столице много шикарных кинематографов, стилизованных лупанариев и поэтов-символистов. Родина Хуренито Гуанахуата много проще и скромней. На ее узких улицах легко найти пастухов Запаты, не рискуя принять за них кинематографических актеров. Там курят очень черные и очень крепкие сигары. Там любят революцию и пульку. Эту пульку пил и дорогой Учитель. Мутя голову, она не действует на ноги. В Гуанахуате нет ни березок, ни элегических стихов, ни трусов. Зато в местных газетах хроника преступлений занимает видное место. Диего Ривера, после семилетней отлучки вернувшись в Гуанахуату, внес в местный муниципалитет предложение о чествовании памяти Хуренито путем учреждения Высшей Школы Мировых Провокаторов. К сожалению предложение это было отклонено, вероятно, благодаря проискам Юза, который считает провокацию своей привилегией, не понимая различия между героизмом Учителя и мелкими пакостями «Белого Дома».

Сейчас Гуанахуата вместе со своей Мексикой переживает трудные недели. Агент

обнаженной грудью стал рядом с Джоргой, сразу можно было видеть, что он гораздо слабее своего противника. Но то, чего Минку не хватало в силе, с лихвой пополнялось его ловкостью и умом. Лина, обернувшись к своей соседке, громко сказала:

— Минку, кажется, из-за меня идет на верную смерть.

— Ошибаешься, Лина,— быстро подхватил Минку, крепко охватывая шею противника,— я другого веду на смерть.

Раздался общий хохот. Джорга растерялся. Он не слышал ни слов Лины, ни ответа Минку. Громкий хохот для него был неожиданностью, мускулы дрогнули и Минку ловко положил его на лопатки

Кто выиграл 100.000 руб. зол.

В последнем тираже (третьем) столичный выигрыш пал на облигацию 4-й серии за № 1.735.410, принадлежащей безработному, бывшему служащему г. Ель-

К. М. Шипицын.

тинбурга тов. Шипицыну. Облигация получена в счет заработной платы и ввиду нужды в деньгах была заложена под ссуду в местной конторе Сельско-хозяйственного банка.

К. М. Шипицын уроженец г. Ельбуги, Вятской губернии, сын сапожника, получил высшее образование, имеет семью из трех человек—жена и две дочери. Ему 40 лет.

16 лет Шипицын был отправлен своим отцом на услужение в качестве «мальчика» к купцу Стахееву в Екатеринбург. 25 лет своей службы Шипицын прошел трудную школу, начиная от мальчишки рассыльного, конторщика, приказчика, т. д. Последнее время состоял сотрудником Сельско-хозяйственного управления и при сокращении аппарата он был уволен со службы.

На вопрос, как дальше предполагается вести свою жизнь, Шипицын ответил, что бесдельничать не будет, и в дальнейшем будет трудиться, как трудился 25 лет.

Часть выигранной суммы, будет храниться в банк, а часть предоставит на содержание детских домов, МОПР, школы и др. нужды.

Тов. Шипицын предполагает предоставить на эти цели около 20% выигрыша.

Илья Эренбург.

С. Р.

Сарай задрожал от кликов в честь победителя. Все еще обнаженный до пояса, набросив полушубок на плечи, Минку занял место по правую руку Лины и начал следить за ходом борьбы другой пары, с победителем которой ему предстояло состязаться.

— А что, Лина, Мурдо хорошо придумал—поженить нас сегодня?

Лина быстро повернулась к нему.

— Твой Мурдо—хитрая лисица. Я ненавижу его за его выдумку. Да и ты не входи в суп птицу, которая еще летает в лесу.

— Брось, Лина. Погляди на меня. Чем нехорош? Я лучше их обоих,—добавил он, указывая на борющихся.

— Ты—рыжеголовый болтун!—отрезала Лина, меряя взглядом Минку с головы до ног.

Борьба в кругу продолжалась. Зрители восторженно отмечали кликами каждое движение. Снаружи бушевал ветер и боролся с деревьями в лесу. Внутри муж-

чины боролись из-за женщин. Мужчины в кругу принадлежали к разным племенам, и в их борьбу было вовлечено еще нечто другое, помимо женщин. Они имели схватку уже и раньше. У Стефана была давнишняя злоба против Мирона, из племени Станку, одержавшего победу на скачках, где главным призом была лошадь. Победив на скачках, Мирон, посмотрев на доставшуюся ему лошадь, вынул револьвер и застрелил ее в присутствии ее прежнего владельца и многочисленных зрителей.

— Чтоб не портила даром харчей такая дохлятина!—сказал он.

Стефан не мог протестовать против такой жестокости. По праву лошадь уже принадлежала Мирону, и он мог распоряжаться ею, как хотел. Но Стефан был сильно привязан к лошади. Сам ее вырстил. И помимо жалости к лошади он страдал от нанесенного оскорбления. Он знал, что этим Мирон умышленно хотел нанести оскорбление всему племени. Эта то вот

взаимная ненависть и чувствовалась в воздухе перед тем, как Мурдо придумал борьбу. Он понял это только тогда, когда Стефан и Мирон вступили в круг. Люди обоих племен проявляли гораздо больше интереса, чем к первой паре. Лина также знала, что борьба велась не только из-за нее, что сама она являлась лишь придатком в этой борьбе. Поэтому она скоро повернулась спиной к кругу, уселась в другом конце сарая и закурила цыгарку.

Она проскользнула так, что ее никто, кроме Мурдо и Минку, не заметил.

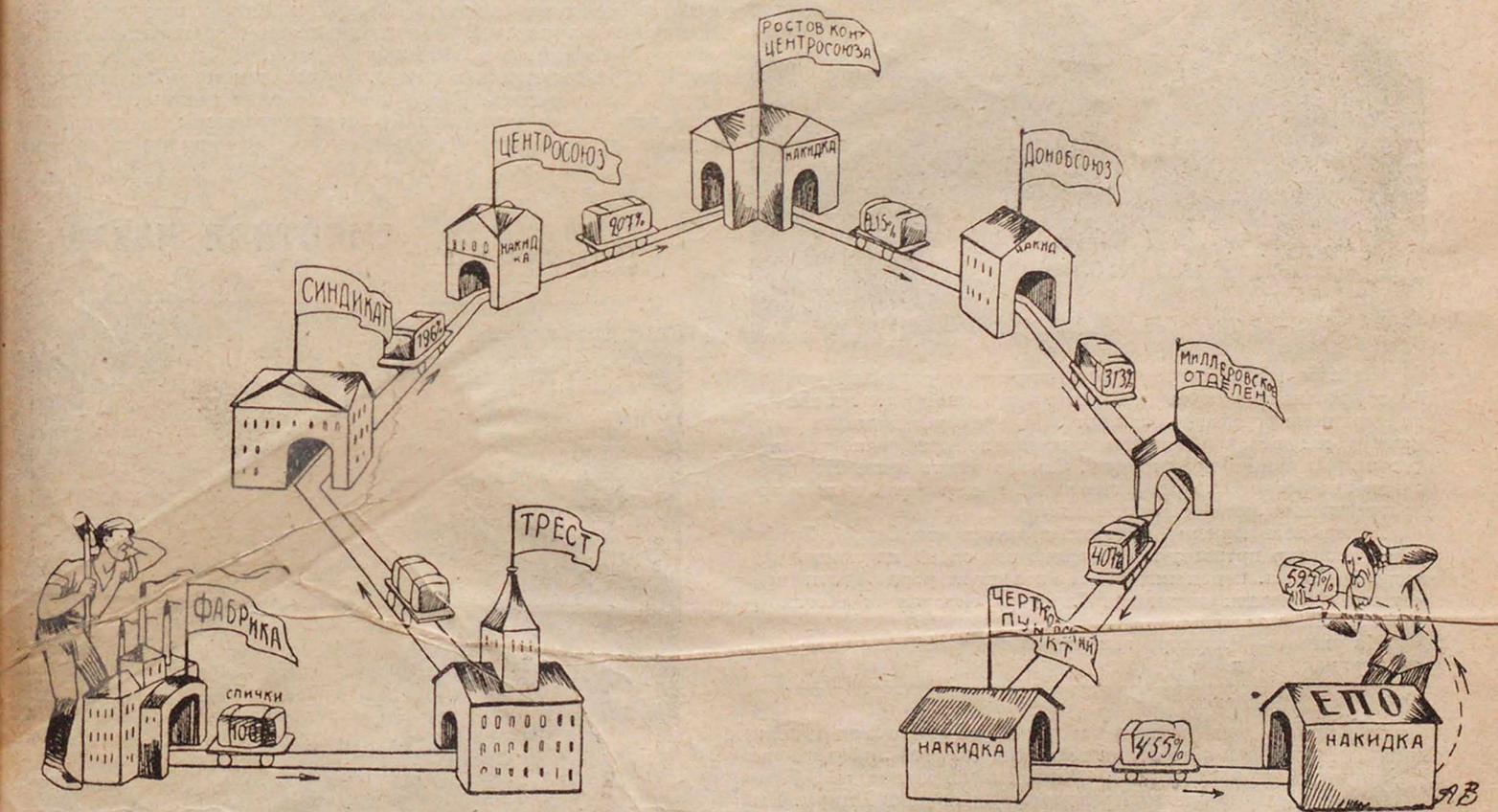
— Ненавижу обоих,—заявила она Минку, когда он через некоторое время уселся рядом с ней.

— А нам это на руку,—засмеялся он в ответ.

Некоторое время оба молчали. Затем Лина, крепко прижавшись к нему, начала нашептывать ему на ухо:

— Минку, мой рыжеголовый чертенок. Ты должен победить. Никто тебя не будет любить так, как я. Я знаю, что Стефан

Что такое „ножницы“!

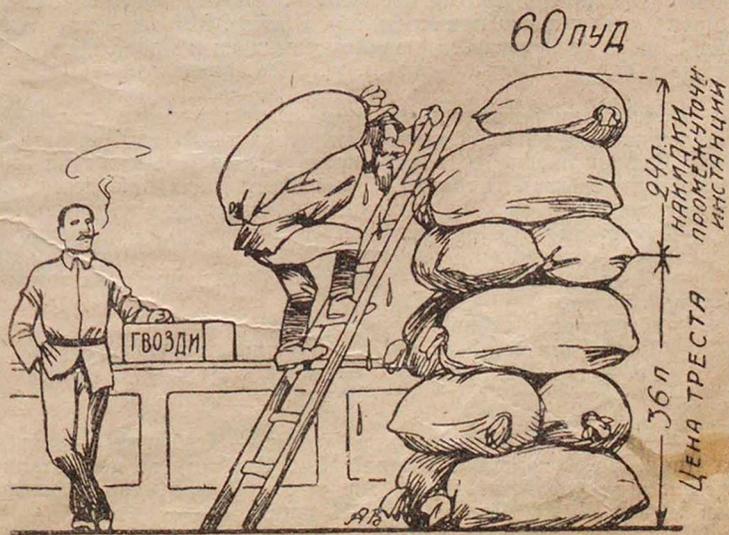

В своем докладе на всесоюзном съезде Советов Л. Б. Каменев иллюстрировал свой доклад великолепными диаграммами, иллюстрирующими влияние громадных торговых накладных расходов на продажную стоимость заводских фабрикатов для деревни. Приводим эти рисунки, сделанные Ованесовым и Воронежцем.

На верхнем рисунке—движение спичек от фабрики до крестьянина.

На этом запутанном пути фабричная цена спичек вырастает с 100 до 527%.

На нижних рисунках: слева— в довоенное время крестьянин купил 1 пуд гвоздей за $3\frac{1}{2}$ пуда пшеницы.

Справа— в наши дни крестьянин платит за 1 пуд гвоздей 60 пудов пшеницы. Причина— те же накладные расходы.

Илиодор — артист и директор.

Перебравшийся в свое время в Америку, иеромонах Илиодор, после провала всяких своих религиозных авантур, решил заняться... кинематографией. Он заключил договор с видными фирмами и намеревался сниматься на экране, став одновременно директором одного предприятия. Он так повел дела, что американские фирмы быстро отказались с ним иметь дело и при распределении акций обделили Илиодора.

Теперь нью-йоркский суд рассматривает иск Сергея Труфанова (Илиодор проживает в Америке под своей настоящей фамилией) Бывш. иеромонах сидит в позе прок рора. А сотни всяких еще так недавно веривших Илиодору эмигрантов сбегают посмотреть на эту диковинку.

На снимке—Илиодор, защищающий свой кино-интерес в американском суде.

поборет Мирона, а ты должен побороть Стефана, должен, должен! Минку, мой рыжеголовый, милый... ты должен победить всех!

Для молодого цыгана дело принимало неожиданный оборот.

Лина встала и направилась к двери, подав знак Минку. Выйдя наружу, она засыпала Минку поцелуями, все время повторяя: — Ты должен победить, Минку. А не то я убью себя... ты должен победить.

— Будет по твоему, Лина,—ответил Минку и поспешил в сарай. Там теперь был ад крошечный. Стефан бросил на спину Мирона и постепенно прижимал его к земле. Миронovo племя вопило, прося его держаться, подняться на ноги и продолжать борьбу, но у него не хватало сил и, наконец, он вытянулся во весь рост.

Можно было опасаться, что в ту же минуту начнется всеобщая потасовка. Безудержная цыганская кровь начинала бушевать во всю. Всякая опасность, всякие практические соображения были совершенно забыты. И только Мурдо опять спас положение. По своему возрасту он был верховным правителем, Бароссаном.

— Если еще кто крикнет, то пусть лучше сразу попрощается с жизнью!—заревел он.—Где Минку?

— Я здесь, Бароссан,—отозвался Минку, пробивая локтями дорогу к кругу.

— Ты готов, Стефан?—спросил Мурдо.

— Готов для чего?—как бы удивляясь, спросил Стефан.

— А ты что—не знаешь? Борьбe с Минку.

— А зачем мне бороться с Минку?

— А из-за Лины.

— Из-за Лины!—воскликнул Стефан.—Чтоб я стал бороться за Лину. Пфю! кому она нужна? Мне? За Лину, за дочь Станку, чтоб я стал бороться? Пфю! Да разве Козинка не в тысячу раз лучше Лины? Иди ко мне, Козинка.

И Стефан заключил в объятия прелестную девушку-цыганку. По понятиям цыган Стефан в ту минуту совершил целый ряд преступлений. Оскорбил Лину, оскорбил ее отца, оскорбил все

племя Станку; оскорбил также и Минку, который брал себе в жену, из за которой другой мужчина отказался бороться; оскорбил племя Мурдо и нанес еще целую массу больших и малых оскорблений, вытекающих одно из другого.

Одну минуту взоры всех были устремлены на Минку, затем перенеслись на Мурдо, который кричал: «Значит Лина — жена Минку! Выьем за счастливую пару!»

Все были рады такому концу. Все радовались, что, наконец можно было пить и шуметь. Каждому хотелось пить. Музыканты начали играть. Молодежь плясать. Минку и Лина вдвоем сидели в углу. Лина рассеянно глядела пред собой. Ее рот подергивался, вся она дрожала.

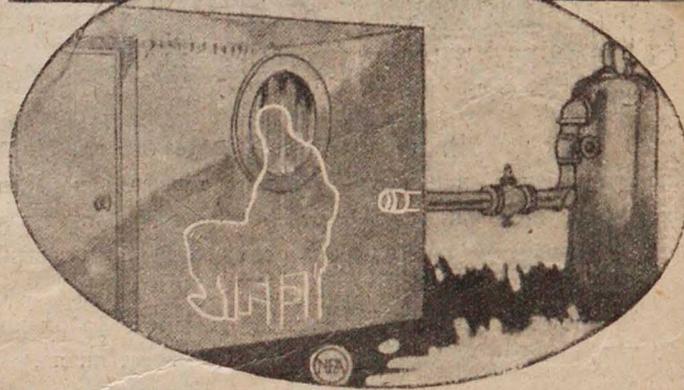
Стефан, наконец, отомстил. Много недель упрашивал он ее быть его женой. Но она отказывала. Теперь он отомстил. И когда же он взял? Козинку! Ее злейшего врага. Лина ничуть не сомневалась, что все это подстроила Козинка. Только женщина могла так тонко разработать план. Стефан боролся с Миронem не потому, что хотел отомстить за старую обиду. И не потому, что хотел отвоевать ее, Лину. Он даже не думал мстить ей за себя, а просто чтобы угодить Козинке. Все было ясно... ясно, как день!

Минку тоже чувствовал себя нехорошо. Одним жестом Стефан превратил Лину из королевы в последнюю женщину на земле. «Пфю!»—Стефан плюнул, произнеся имя Лины. Она не стояла того, чтобы из-за нее бороться. Сидевшая рядом с ним невеста являлась той девушкой, которую при всех отверг другой.

Мурдо ошибается. Лина не может быть его женой, пока будет жить Стефан. Это было нравственное понятие... Это был закон. Минку сидел и размышлял рядом со своей ошеломленной невестой. Они не промолвили ни слова.

Перед рассветом, когда старшие орали песни, допивая остатки вина, а молодежь плясала, Стефан и Минку покинули сарай. Минку вышел первым. И когда, в скором времени, за ним последовал Стефан, все знали, что должно было произойти, но никто не шевельнул и пальцем. Музыканты приостановили игру. Пляска прекратилась. Воцарилась зловещая тишина. Все прислушивались к вою ветра, глаза были устремлены на дверь. Лина посмотрела в сторону Козинки, вынула из кармана своего широ-

„Приятная“ смертная казнь.

Знаменитый электрический стул уже надоел судьям заатлантической республики. Их «гуманность» не мирится больше с созерцанием преступника, тело которого скрючивается под влиянием электрического тока. Изобретена новая «машинка». Преступника сажают в герметически запертый вагончик, даже дают ему читать газету. Бесцветный, бесшумный, ничем не пахнущий газ наполняет в это время это изысканное помещение. Человек незаметно «в блаженной тоске» умирает. Блудители закона любят этим обрядом через специальное стеклянное окошко. На нашем снимке, кроме аппарата, даны лица трех узников, более года ожидавших подобного исполнения смертного приговора. От приятного ожидания столь утонченной и безбольной казни их волосы успели поседеть. За то весь мир будет говорить о непревзойденных чудесах американской юстиции, не отстающей от американской техники.

кого цветного платья небольшое зеркальце и начала расчесывать свои длинные, черные волосы.
 Вскоре в дверях появился Минку. Один. Козинка, вскрикнув, упала. Ее унесли в шатер к матери. Затем все

вышли из сарая, оставив Минку и Лину вдвоем.

Четыре вождя похоронили тело Стефана.

Чтобы избежать бед на будущее время, решено было общих вечеров не устраивать.

В январе стояли большие холода. Беспорывно бушевала вьюга. Многие мужчины почевали возле лошадей, а когда было особенно холодно, то даже женщины и дети ютились в сараях, тесно прижавшись друг к другу, накрывшись соломой и сеном.

Пятилетие „Севпечати“

северо-западного областного объединения по распространению произведений печати в Ленинграде.

Как это было.

Кто, переживший, забудет 1918 год?

Небывалое, неслыханное напряжение классовой воли и энергии.

Борьбу, какой мир не видел, сверхчеловеческие усилия претворить революционный хаос в революционное государство.

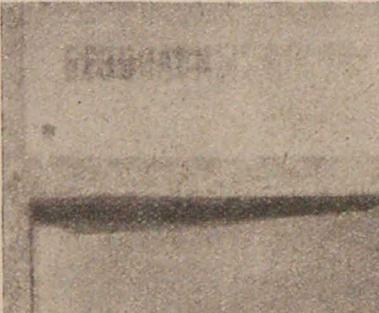
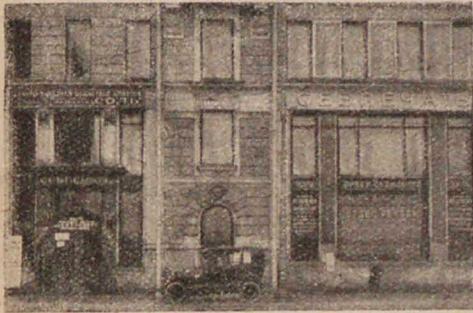
ская Коммуна», «Северная Коммуна», «Пламя»—«неуклюжие», наспех сброшюрованные издания литературного отд. комис. печати и прекрасные книжки издательства Петросвета широкой волной лились через питерские вокзалы на фронт и в провинцию.

Но вопль не умолкал: книг и газет.

Со всех концов в Смольный летели жа-

деваются издаваемые миллионы экземпляров литературы. Становилось очевидным, что есть глубокий порок в аппарате распространения. Но где именно? В чем? О злой воле не могло быть и речи.

Значит, все то же проклятое неумение: отсутствие опыта. В страшный Смольный, в 48-ю комнату, к комиссару печати, агитации

Неумелые руки принимались за строительство и строили. Неубученные полки бросались на искусного, и—побеждали. Чем? Революционным порывом. Но революционный порыв требовал все новых зарядов энергии. Все усложнявшееся строительство требовало знаний. И тогда страна обращалась к первоисточнику революционной энергии и мысли—Красн. Питеру.

И сотни тысяч газет, листовок, брошюр, журналов и книг бросались ежедневно Питер на красные фронты и вглубь страны.

«Красная Газета», «Правда», «Деревен-

В центре: 1—зав. «Севпечатью» А. М. Гертик, 2—инициатор и управдел «Севпечати» Я. М. Млодик, 3—зам завяд Н. Н. Секундов, 4—зав. финансов. частью Н. И. Королев, 5—зав. комиссион отдела М. Г. Воронов, 6—зав город. отд П. Н. Орлов, 7—зав. почт. отд Н. И. Салин, 8—зав. рекламным отд А. Е. Рундберг, 9—Г. Я. Казанцев. В углах: налево—дом в Ленинграде, где помещается «Севпечать»; направо—один из уличных киосков «Севпечати».

Внизу (в овале)—экспедиционная работа «Севпечати».

лобы—не на недостаток, а на полное отсутствие литературы.

Смольный недоумевал. Хмурился тов. Зиновьев, нервничал Илья Ионов. Куда же

и пропаганды явился молодой человек: работник Проперовского аппарата по распространению произведений печати.—М. Я. Млодик.

Предлагает свои услуги для реорганизации дела распространения произведений печати. Представил докладную записку. План хорош. А все-таки целиком довериться ему опасно. Пар комиссаров к нему не помещает. Ведь есть и среди нас знакомые с техникой этого дела. Конечно, есть: старый партией, один из основателей старой «Правды» в 1912 году А. М.

Гертик и А. А. Израилевич. Так было создано первое правление Всероссийского Бюро по распространению произведений печати.

М. Д. Лисовский.

Из Архангельска в Москву на лыжах.

Вручение приза героям-участникам лыжного пробега, являющегося мировым. Их фамилии: (слева-направо): Гребенщиков, Скалкин, Бархаш и Хитров.

В походной мастерской мужчины работали у горна и у наковальни, заготавливая шины для колес.

Минку тоже был сильно занят. Он был самым способным среди мужчин. В соседних трактирах он то там, то тут узнавал о каком-нибудь крестьянине, который хотел продать лошадь, и о другом, который нуждался в лошади, и часто барышничал, даже не приводя лошади в табор. И на эти деньги он покупал Лине ярко-красные шапки, разноцветные монисты, гребешки,

серебряные кольца и браслеты. Но чем больше он проявлял свою любовь к ней, тем больше она от него отворачивалась.

— Кто ты?—говорила она ему насмешливо.—Ты—раб, раб Мурдо. Все ваше племя—рабы, и Стефан был в тысячу раз лучше тебя.

Сперва он смеялся над ее словами. Она была дочерью вождя, и ему было понятно ее желание, чтобы ее муж не подчинялся приказам и воле другого. На то она и женщина. Для него не было никакой надежды

на то, чтобы сделаться вождем. Сын Мурдо, Николай, должен был унаследовать своему отцу. Но длинными, зимними ночами она ни о чем другом больше с ним и не говорила. Она прибегала ко всем средствам: плакала, отбивалась, лестила, старалась угодить своими ласками. И для чего? Для того, чтобы он постарался возвыситься над другими мужчинами. Мурдо уже становился стариком и держался замкнуто.

(Окончание в ст. М-ре).

Снеговые автомобили.

На днях в Москве состоялось испытание автомобилей французской фирмы Ситроен с гусеничной передачей и лыжами на передних колесах. Тип—легковая машина 10 НР. Изобретение—инженера Кегресса, работавшего в России в парком гараже, где он производил опыты и переделал на гусеничный ход три автомобиля Цаккард. Но для настоящей постановки производства денег в России не нашлось и Кегресс уехал во Францию. Там его изобретение нашло применение на заводах Ситроен и теперь пользуется таким успехом, что вперед запродана продукция за 3 года.

На последнем испытании в Москве такой автомобиль спускался по лестнице от храма Христа, занесенной снегом и по боковым лестницам набережной к реке и поднимался обратно. Машина совершенно легко идет по снежной целине, перебирается через небольшие сугробы.

Проф. Н. Р. Бриллинг, также бывший на испытании, указал, что машина может разрешить целый ряд очень больших

вопросов, особенно в авиации. Когда, например, при аварии аэроплан садится в глубоком снегу, или в болотистом месте, куда невозможно добраться ни пешком, ни на лошадях и куда никак не может пройти простой автомобиль—«Кегресс» может оказаться незаменимым. Он, действительно, справляется с различными грунтами и слабее всего пока дело с нашими глубокими снегами.

Фот. Отто Шмилт.

Снеговой автомобиль «Кегресс».

«Кегресс» был применен для путешествия по Сахаре и целый отряд таких автомобилей совершил недавно громадный пробег через всю пустыню. Во Франции это изобретение уже в широчайшем ходу.

Нечего и говорить о том колоссальном значении, которое этот тип мог бы иметь в России, при невероятных пространствах, при диком бездорожье, при долгой снежной зиме.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОЖЕВЕННЫЙ СИНДИКАТ

об'единяет следующие крупнейшие кожевенные Тресты:

Богородский, Вятский, Донекой (Ростов н/Дону), Екатеринбургский, Казанский, Калужский, Курский, Московский, Нижегородский, Омский, Орловский, Осташковский, Петроградский, Пековский, Рыбинский, Рязанский, Самарский, Таганрогский, Тамбовский, Тверской (Тверь, Кимры), Тульский и Украинский (Київ, Одесса);

имеет в своем составе крупнейшие Государственные кожевенные, обувные, шорно-седельные, меховые и щетинно-волосяные заводы и предприятия.

ОТДЕЛЕНИЯ: Северо-Западное (Петроград), Западное (Минск), Украинно-Крымское (Харьков), Юго-Восточное (Ростов н/Дону), Уральское (Екатеринбург) и Сибирское (Ново-Николаевск).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЗАГРАНИЦЕЙ: в Лондоне, Берлине и Гамбурге

ПОКУПАЕТ:

Кожевенное сырье, дубильные экстракты, жиры и всякого рода вспомогательные материалы.

ЭКСПОРТИРУЕТ:

Выделанные меха, пушнину, щетину, кожевенное сырье и пр.

ПРОДАЕТ:

Выделанную кожу, обувь рабочего, крестьянского и городского образца, шорно-седельные изделия городского и бытового образца, приводные ремни, гонки и всевозможные изделия из кож. заготавливает сырье.

ИМПОРТИРУЕТ:

Американское тяжелое сырье, дубители, химикаты и пр.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Покровский бульв., 4.

ТЕЛЕГРАФНЫЙ АДРЕС: Москва, Кожсиндикат.

Зам. Председ. Правления И. Н. Туркестанов, тел. 1-85-50

Члены Правления С. И. Ривкин, „ 2-52-98

А. С. Темкин, „ 4-74-45

И. Я. Локшин, „ 1-08-39

Зав. Фин.-Комм. Управл. М. М. Миценмахер, „ 86-50

„ Адм.-Хозяйств. Отд. Н. И. Желудков, „ 1-94-70

КОЖЕВЕННЫЙ ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН.

Москва, Зарядье, Зарядьевский пер., 8, тел. 37-21.

Большой выбор всевозможных кожевенных товаров, крестьянск., рабочей и городской обуви.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1924 ГОД.

ШКОЛЫ, КЛУБЫ, БИБЛИОТЕКИ, ОРГАНИЗАЦИИ РКСМ, РАБОЧАЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

все должны быть подписчиками нового, большого, иллюстрированного двухнедельного журнала Рабочей Молодежи.

ОРГАН ЦКРКСМ

СМЕНА

Издание „Молодой Гвардии“ и „Мосполиграф“.

В ПРОГРАММЕ ЖУРНАЛА:

- Революционная романтика, романы, повести, рассказы и стихи.
- Путешествия, географические, этнографические, геологические очерки, статьи по вопросам естествознания, техники, социальной гигиены, научной организации труда и др.
- Хроника научных открытий и технических усовершенствований.
- Очерки по истории революционного движения в России и за границей, очерки по истории партии и Союза молодежи.
- Популярные статьи по вопросам обществоведения, политическая и экономическая хроника.
- Особое внимание журнал уделяет освещению жизни рабочей молодежи.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ШКОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ФАБЗАВУЧА.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ жизни и строительства Красной Армии и Флота.

Кроме того, журнал будет уделять много места спорту, кино, шахматам и шашкам.

В КАЖДОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА ДО 100 ФОТОГРАФИЙ, РИСУНКОВ, ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРИКАТУР.

Принимают участие лучшие художественные и публицистические силы.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТ БЕСПЛАТНО „Спутник молодого рабочего“ (15 листов) с необходимыми краткими сведениями по всевозможным отраслям.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год. на 1/2 года на 3 мес.

1-й АБОНЕМЕНТ: 24 номера журнала со „Спутником молодого рабочего“ 8 р. 50 к. 4 р. 50 к. 2 р. 50 к.

2-й АБОНЕМЕНТ: 24 номера журнала со „Спутником молодого рабочего“ с приложением 12 выпусков научно-популярной серии библиотеки „СМЕНЫ“ 1200 строк текста и 400 рисунков. Библиотека заключает в себе следующее: Вселенная, Земля, Жизнь, ее происхождение и развитие. Животные и растения. Энергия и ее источник. Электричество. Воздушный океан. Доисторический человек. От мотыки к трактору. От первобытного общества к коммунизму. Природные богатства СССР. Научная организация производства 13 р. 50 к. 7 р. 50 к. 4 р.

3-й АБОНЕМЕНТ: 24 номера журнала со „Спутником молодого рабочего“ с приложением 24-х выпусков журнала „БОРЬБА МИРОВ“ размером в 2-3 печатных листа. В программе „БОРЬБЫ МИРОВ“: социальная романтика, фантастика, приключенческие рассказы, кино-экран, экран спорта, экран сатиры и т. д. 15 р. 8 р. 4 р. 50 к.

4-й АБОНЕМЕНТ: 24 номера журнала со „Спутником молодого рабочего“, с приложением 12 КНИГ БИБЛИОТЕКИ „СМЕНЫ“ заключающих новые романы Синклера, Лондона, Асеева и сборники рассказов лучших иностранных и русских писателей, а также книги по истории движения рабочей молодежи, по политической грамоте и большой труд Рымкевича „Чудеса техники XX века“ всего 1500 страниц текста 16 р. 8 р. 50 к. 5 р.

5-й АБОНЕМЕНТ: 24 номера журнала со „Спутником молодого рабочего“ с приложением 12 выпусков научно-популярной серии „СМЕНЫ“ и 12 КНИГ БИБЛИОТЕКИ „СМЕНЫ“ 20 р. 11 р. 6 р.

6-й АБОНЕМЕНТ: 24 номера журнала со всеми приложениями 26 р. 14 р. 7 р. 50 к.

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр.—40 черв.; 1/2 стр.—20 черв.; 1/4 стр.—10 черв.; 1/8 стр.—6 черв.; 1 строчка непарели—60 черв. коп. На обложке на 50% дороже. Сверх тарифа налог 15%.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Старая Площадь, д. 10/4, телефон 1-89-13.

АДРЕС КОНТОРЫ: Москва, Тверская, Благовещенский пер., 3, телеф. 4-80-08 и 86-87. — Телеграфный адрес: „Москва Журсмена“